

Расставшись с Линь Ци, Дин Тянь сразу разыскал Чэн Да. Тот лишь подтвердил слова товарища и вдобавок настойчиво посоветовал даже не пытаться искать личного советника Ду или уездного судью Ма. Их внезапный отъезд по делам службы в Бэйфэнфу был слишком уж очевидной попыткой избежать встречи с молодым тюремщиком.

Дин Тянь действительно отличался от остальных служек управы. Его покойный отец, Дин Дахай, числился признанным героем не только в префектуре — о его ратных подвигах знали даже сановники из Военного министерства в столице. Уездный судья мог помыкать кем угодно, но перегибать палку с сыном покойного героя не решался. Мало ли, взбретет парню в голову поднять шум и заявить о несправедливости во всеуслышание — тогда у господина судьи земля под ногами загорится.

Как-никак, потомок заслуженного воина унаследовал свою должность по завещанию. Единственным предсмертным желанием Дин Дахая было, чтобы сын занял его место — пост главного тюремщика в уезде Бычьего Рога.

Те, кто когда-то делил со старым Дином невзгоды на полях сражений, выжили и за эти годы выбились в люди, получив чины — кто покрупнее, кто помельче. Но фронтовое братство, скрепленное пролитой кровью, не ржавеет со временем. Напротив, когда старого товарища не стало, а на свете остался лишь его единственный сын, боевые побратимы оберегали Дин Тяня с удвоенной силой.

Лучшим доказательством тому служил трехлетний траур, который Дин Тянь держал по отцу. Все это время место главного тюремщика пустовало — никто во всем уезде просто не осмелился занять должность, которая по праву принадлежала парню.

Чэн Да тяжело вздохнул:

— На днях я подслушал разговор слуги господина личного советника. Оказывается, столичное начальство урезало средства, выделенные на строительство крепостной стены. Наш уездный судья и личный советник прекрасно понимают, откуда у этого дела растут ноги, но плетью обуха не перешибешь — пришлось молча проглотить эту горькую пилюлю. Судья Ма буквально зубами скрипит, но стройку не бросает, причем ни одной медной монеты в собственный карман не утаил. — Чэн Да покачал головой. — На самом деле жалованье для недостающих служек управы нам выплачивают исправно, просто крохи. Если ты все обдумал и принял решение, ступай к бухгалтеру. Забери то, что причитается твоей тюрьме: деньги за шесть мужских ставок и четыре женские.

По штату в тюрьме уезда должно было числиться двенадцать человек: главный тюремщик, шесть тюремных стражников, четыре тюремных стражниц и один повар.

Дин Тянь немного подумал и кивнул:

— Хорошо. Тогда я сразу зайду в бухгалтерию.

— Вот и ладно! — повеселел Чэн Да.

В душе он облегченно вздохнул: поручение личного советника Ду можно было считать успешно выполненным.

Дин Тянь не стал откладывать дело в долгий ящик и сразу направился к уездному счетоводу.

В те времена должность казначея ценилась чрезвычайно высоко. Вести книги в уездной управе доверяли лишь людям почтенным, грамотным, искушенным в тонкостях учета и виртуозно владеющим счетами.

И хотя штат управы сейчас трещал по швам, уездный казначей казался самым праздным человеком во всем присутствии. Блаженно прихлебывая чай прямо из носика крошечного глиняного чайника, он лениво поучал своего сына премудростям ведения приходно-расходных книг.

Прежний счетовод, когда-то помогавший отцу Дин Тяня, давно отошел от дел. Нынешнего казначея привел личный советник Ду сразу после войны; поговаривали, что этот человек когда-то учился у него.

Звали счетовода господин Сюй. Окружающие уважительно величали его Сюй Чжанфан. Это был поджарый мужчина с аккуратными усами-ниточками, на чьем лице так и читалась житейская хватка.

Увидев вошедшего Дин Тяня, Сюй Чжанфан расплылся в улыбке:

— О, а я думал, ты помучаешься сомнениями еще дня два-три.

Молодежь нынче гордая, упрямая. Старый счетовод полагал, что новоиспеченному Маленькому тюремщику Дину понадобится не меньше полунедели, чтобы переломить спесь и явиться на поклон, а тот пришел уже на следующее утро.

— Почтенный Сюй, — Дин Тянь степенно поклонился, сложив ладони перед грудью. — Я пришел получить причитающееся мне серебро.

— Знаю-знаю, все давно готово, — благодушно отозвался тот и крикнул сыну: — Цзысю, принеси-ка тот сверток в черной рогожке. Отдай своему брату Дину.

Помощником у него служил тринадцатилетний сын Сюй Цзысю — шустрый малый, который был на несколько лет моложе Дин Тяня.

— Сию минуту! — звонко отозвался паренек, ловко извлек из тяжелого кованого сундука

увесистый узелок и протянул его гостю.

— Благодарю, младший бухгалтер Сюй, — с улыбкой ответил Дин Тянь, принимая узелок.

Покопавшись за пазухой, он вытащил бумажный пакетик с сахарным печеньем. Лакомство было простым и дешевым, но в уездном городке даже такая сладость считалась редкостью для простого люда. Дин Тянь берег ее для себя, но решил угостить мальчишку:

— Вот, держи к чаю.

Цзысю вопросительно взглянул на отца и, получив едва заметный одобряющий кивок, сияя от радости, забрал гостинец:

— Спасибо, брат Дин!

— Кушай на здоровье, — Дин Тянь потрепал его по плечу и, вновь придав лицу официальное выражение, обратился к старшему Сюю: — Что ж, тогда я пойду. Всего доброго.

— Ступай, ступай, — миролично отмахнулся казначей.

Дин Тянь вежливо поклонился и вышел.

Проводив молодого человека взглядом, Сюй Чжанфан неторопливо отставил чайник. Лицо его сделалось задумчивым, а на губах осталась едва заметная одобрительная усмешка:

— Молод, да не глуп. Далеко пойдет.

Почему старый казначей так высоко оценил понятливость парня?

За этим скрывался тонкий негласный расчет. Дин Тянь пришел забрать "свою долю", но даже не глядя в мешочек, по одному весу мог понять, что казначей выдал серебро только за ставки тюремных стражников. В штатном расписании тюрьмы числился еще и повар, деньги на которого казначей утаил, чтобы положить себе в карман. Дин Тянь не стал поднимать шум и требовать недостающее. Он прекрасно понимал правила этой игры: хочешь спокойно работать — не пытайся выжать из казначейства каждую медную монету. Именно эта обоюдная уступчивость и заложила основу их будущего согласия. Бухгалтер Сюй оценил понятливость парня и впредь не станет чинить ему препятствий. Да и сам Дин Тянь не собирался мелочиться, высчитывая каждую копейку и устраивая пустые разбирательства из-за грошовых долей.